

АЛЁНА
СНЕЖИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РАЗВОД

НАВЯЗАННАЯ ЖЕНА
ЧЁРНОГО ДРАКОНА

18+

Алёна Снежина

Развод. Навязанная жена Чёрного дракона

<https://litres.ru/74391393>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Хранить верность девчонке, доставшейся мне по ошибке, я не обязан, – жестоко усмехнулся муж, спуская со своих колен горничную.

– Да, сестра сбежала. Она увидела какое вы чудовище, – яростно возмутилась я, не в силах сдержать злость. – И глядя на вас, я понимаю, что она была права! Кому нужен ваш титул, Вальдегард, если от вас несёт грязью? Вы калека не снаружи. Вы уродливы внутри!

– Ты белая моль. Ещё один звук и ты будешь ночевать в карцере в компании моих солдат, если моё присутствие тебя не устраивает.

Он — суровый генерал Севера, калека и Черный дракон, от одного взгляда которого дрожат его солдаты. Я — "пустышка" без магии, отданная ему за долги отца. Наш брак был ошибкой. Моя пощечина стоила мне свободы: он вышвырнул меня на верную смерть. Но судьба решила иначе. Как далеко зайдет дракон, чтобы вымолить прощение у той, которую сам же уничтожил?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4. Монастырь	22
Глава 5. Соседка	31
Глава 6. Первый день	41
Глава 7. Откуда лёд?	48
Глава 8. Рана	53
Глава 9	59
Глава 10. Тайна	65
Глава 11. Гость	72
Глава 12. Кто это сделал?	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алёна Снежина

Развод. Навязанная жена Чёрного дракона

Глава 1

Дверь в кабинет мужа оказалась приоткрыта.

В руках у меня была зажата стопка неоплаченных счетов. Управляющий снова нагло улыбнулся мне в лицо и отказался выдавать деньги на дрова для прачечной, сославшись на то, что слушает только лорда Вальдегарда, моего мужа.

Мне, законной жене, приходилось выпрашивать у мужа каждую монету на содержание его же замка.

Я уже подняла руку, чтобы постучать, но замерла. Из-за приоткрытой створки донёсся тихий, прерывистый женский стон.

В щель между дверью и косяком было видно как Рейнар сидит в своём массивном кожаном кресле.

В нём совершенно отсутствовала лощёная утончённость столичных лордов – это была тяжёлая, мрачная порода Севера. Широкие, словно вытесанные из тёмного камня плечи, резкие черты лица, тяжёлая линия челюсти и густые чёрные

волосы, в беспорядке падающие на лоб. Даже рваный белёсый шрам, пересекающий его левую щеку от брови до подбородка, каким-то непостижимым образом его не портил. Наоборот, он придавал этому жестокому лицу хищную притягательность.

Сейчас генерал расслабленно откинулся на спинку глубокого кресла, широко расставив ноги в высоких форменных сапогах. А на его коленях бесстыдно ёрзала Тесса – одна из наших горничных.

Она сидела на нем верхом, её широкие юбки были небрежно задраны до самых бёдер, открывая голые ноги и ягодицы. Девушка двигалась с откровенным, порочным неистовством, плавно поднимаясь и с силой опускаясь обратно. Её дыхание срывалось на хриплые, прерывистые стоны, губы жадно ловили воздух, пока она выгибала спину, полностью отдаваясь ритму и убажывая своего лорда.

А Рейнар... Рейнар даже не прикасался к ней.

Ладони мужа спокойно покоились на подлокотниках кресла. Он не целовал её в ответ, не шептал слов страсти – он просто позволял девице самозабвенно скакать на нём, принимая её ласки как должное, с ленивым, холодным равнодушием хозяина, которому прислуживают.

Я стояла на пороге и меня тошнило от этой мерзости.

Я знала, что муж меня не любит. Знала, что разочаровала его одним своим видом – тихая, невзрачная «запасная» дочь вместо обещанной красавицы Амалии.

За все месяцы брака он ни разу не пришёл в мою спальню и не пустил в свою. Он вообще меня не замечал, относясь скорее, как к предмету мебели или назойливой служанке.

Но я была его женой! Я пыталась наладить быт, терпела его холодность и косые взгляды прислуги. Если я была ему так омерзительна, он мог бы хотя бы изменять мне скрытно. Не в нашем доме. Не оставляя дверь кабинета открытой!

Рейнар, словно почувствовав мой взгляд, медленно открыл глаза.

Его вертикальные зрачки сфокусировались на мне. В них не было ни капли смущения или вины. Он смотрел на меня так же ровно и лениво, как смотрел на пустую стену.

Тесса, проследив за его взглядом, обернулась. Она ойкнула, поспешно вскочила с коленей и отошла в сторону. Но платье одёргивать не спешила. Наоборот, она мазнула по мне откровенно насмешливым взглядом, словно говоря: «Я здесь настоящая женщина, а ты – пустое место».

– Стучать ты так и не научилась, Милавия, – спокойно произнёс Рейнар поправляя штаны и пряча всё ещё стоящее достоинство.

Его глубокий голос всегда вызывал у меня странную дрожь, но сейчас от него веяло лишь холодом.

Месяцы молчания, страха и попыток быть «хорошей» сгорели в одну секунду. Я сжала счета в руке и решительно шагнула в кабинет.

– Ты изменяешь мне с прислугой? – мой голос дрогнул, но я не отвела взгляд. – Ты даже не удосужился закрыть дверь! Тебе настолько плевать на меня и на приличия, Вальдегард?

Рейнар криво усмехнулся. В этой усмешке было столько превосходства, что мне захотелось ударить его. Взять что-нибудь потяжелее и съездить по этому высокомерному лицу. Но я держала себя в руках, чтобы окончательно не стать посмешищем в глазах прислуги.

Рейнар тяжело поднялся из-за стола, опираясь ладонями о столешницу. Выпрямился, подавляя меня своим огромным ростом, и сделал шаг ко мне, припадая на левую ногу.

– В твоём доме? – тихо переспросил он, нависая надо мной. – Он не твой. И скажи спасибо, что я терплю тебя под своей крышей из-за договора. Но хранить верность девчонке, которая забыла своё место, я не обязан.

Тесса в углу тихо приснула, прикрыв рот ладонью.

Слова мужа задела меня не больше, чем раньше. Я уже привыкла к тому, как он меня называл. И "девчонка" было, можно сказать, даже ласковое обращение.

– Моё место здесь. Я хозяйка этого замка, генерал. Нравится вам это или нет. И пока я ношу вашу фамилию, я не позволю превращать наш дом в бордель и насмеяться надо мной. А если вам так не терпится сбросить напряжение, сняли бы комнату в городском трактире. Там этой, – я брезгливо кивнула в сторону Тессы, – самое место.

Тесса ахнула, густо покраснев, и вжалась в стену. А вот Рейнар даже не моргнул. Он медленно склонил голову набок, разглядывая меня так, словно видел впервые.

– Хозяйка замка? – его губы изогнулись в уничтожающей усмешке. – Ты не хозяйка, Милавия. Ты – бесплатное приложение к договору. Затычка в долговой яме твоего никчёмного отца. Твоя сестра Амалия должна была согреть мою постель, но она оказалась трусливой дрянью.

Он сделал ещё один шаг, загоняя меня в угол.

– Ты думаешь, я не вижу, как ты шарахаешься от меня в коридорах? – его голос понизился до глухого рычания. – Как цепенеешь, стоит мне заговорить? Ты пустая. В тебе нет ни огня, ни страсти, ни красоты твоей сестры. Тесса хотя бы живая, горячая и знает, как доставить мужчине удовольствие. А на что годишься ты? Только перебирать бумажки и строить из себя оскорблённую невинность?

Он растаптывал меня прямо сейчас, при служанке, превращая в ничто. Неудивительно, что прислуга относилась ко мне так же.

– Да, Амалия сбежала. Она увидела какое вы чудовище, – яростно возмутилась я, не в силах сдержать злость. – И глядя на вас сейчас, я понимаю, что она была абсолютно права! Кому нужен ваш титул, Вальдегард, если от вас несёт грязью? Вы калека не снаружи. Вы уродливы внутри!

Лицо генерала исказилось. В глазах полыхнула такая злость, что воздух вокруг нас пошёл рябью.

– Заткнись, – прошипел он.

– Или что? – выплюнула я. – Ударите меня? Давайте! Это как раз в вашем стиле – воевать с теми, кто слабее!

– Ты белая моль. Не строй из себя невинную овечку. Ты ничтожество, которое достойна только полы драить в моём замке. Ещё один звук и ты будешь ночевать в карцере в компании моих солдат. Может, они удовлетворят тебя, если моё присутствие тебя не устраивает.

Моя рука взлетела вверх сама собой.

Хлесь!

Звонкая пощёчина эхом разлетелась по кабинету. Я вложила в этот удар всю свою обиду, всю боль и унижение, которые копились последние три месяца. Мои пальцы оставили яркий красный след прямо на его белёсом шраме.

В кабинете мгновенно стало жарко.

Вокруг рук Рейнара взвились угольно-чёрные языки пламени. Его внутренний зверь взревел, требуя крови. Дракон тяжело, со свистом втянул воздух, его челюсти сжались. Он смотрел на меня так, будто сейчас просто испепелит на месте.

– Это ты зря сделала.

– Не смей больше никогда ко мне прикасаться, – процедила я, тяжело дыша.

– К тебе? – он издал сухой, лающий смешок. Пламя на его руках медленно погасло, но в глазах осталась клубящая-

яся тьма. – Слишком много чести. Хочешь показать характер, дрянь? Посмотрим, что от него останется в Обители Безмолвных Сестёр.

Внутри всё оборвалось и ухнуло вниз.

Обитель. Страшный монастырь на самом краю севера, скрытый антимагическим куполом.

Туда ссылали преступниц и опозоренных женщин. Оттуда не возвращались.

Рейнар резким движением достал из ящика стола чистый пергамент. Схватил ритуальный кинжал и, не моргнув глазом, полоснул себя по ладони. Окровавленная рука с силой впечаталась в бумагу. Багровым светом вспыхнула магическая печать.

– Я оформляю Отречение, – чеканил он каждое слово, бросая кинжал на стол. – Подписывай. И чтобы завтра на рассвете твоего духа здесь не было.

Глава 2

Запястье нещадно саднило. Кожа на месте, где ещё утром красовалась брачная метка рода Вальдегардов, покраснела и воспалилась.

Я невидящим взглядом смотрела на дорожную сумку, бросая в неё тёплые вещи. У меня было всего несколько часов до рассвета. До того момента, как за мной прибудет карета, чтобы увезти в Обитель Безмолвных Сестёр.

Внутри было пусто. Ни слёз, ни страха – только глухое оцепенение и ледяная ненависть к мужу.

В замке стояла мёртвая тишина, когда в коридоре раздались тяжёлые, неровные шаги. Трость не стучала по камню, значит, Рейнар был пьян. В такие моменты он ходил так, будто ему было плевать на боль в искалеченной ноге. Он пытался доказать всем, что может не хромать, зато когда трезвел его колено ужасно ныло. Я знала об этом потмоу что не слышала от служанок ,которые делали ему настойки и мазали ногу мазями. В такие дни Рейнар был хуже черта или самого дьявола и к нему боялись приближаться абсолютно все.

Дверь моей спальни с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

Рейнар стоял на пороге, заслоняя собой тусклый свет из коридора. От него тяжело разило крепким северным пойлом,

горькими травами.

Но страшнее всего было его лицо. В нём не осталось ничего от холодного, высокомерного генерала, который несколько часов назад брезгливо вышвырнул меня из своей жизни.

Его глаза стали полностью чёрными. Золото радужки поглотила узкая вертикальная щель взбесившегося зверя.

Дракон внутри него бился в агонии от разорванной связи. Рейнар разорвал метку сам, но его животная суть, лишившись самки, сошла с ума и притащила его сюда.

Он тяжело шагнул в комнату и пинком захлопнул за собой дверь. Металлический замок сухо щёлкнул.

– Что вы здесь делаете? – я старалась говорить спокойно, но голос сорвался, я отступила назад, упираясь спиной в край кровати. – Убирайтесь. Договор расторгнут.

– Расторгнут, – хрипло, почти рычаще отозвался он. Воздух вокруг него дрожал от чёрного пламени, которое лизало его пальцы. – Ты больше не моя жена. Но мой зверь рвёт мне грудную клетку, требуя вернуть то, что принадлежит ему. Должен же я испробовать наконец прелести моей несостоявшейся жены.

Рейнар сделал ещё один шаг. В его движениях была пугающая, хищная грация, несмотря на хромоту.

– Не подходите! – я выставила руки ладонями вперёд. – Вы теперь мне не муж и не имеет права находиться в моей спальне.

– Права? – усмехнулся он. Это был жуткий звук, от кото-

рого по спине пробежал холодок. – Зверю плевать на права, Милавия.

Он подошёл так стремительно, что я не успела даже вскрикнуть. Тяжёлое тело генерала впечатало меня в матрас, выбивая воздух из лёгких. Я забилась под ним, пытаюсь оттолкнуть, ударить, но для огромного дракона моё сопротивление было не страшнее возни котёнка.

Его колено грубо раздвинуло мои ноги. Широкая ладонь безжалостно смяла ткань платья, одним рывком задирая мои юбки до самых бёдер.

Паника смешалась с обжигающей яростью. Я извернулась, скользнув свободной рукой вниз, к щиколотке. Туда, где под плотным чулком всегда прятались ножны с тонким, заточенным лезвием. Пальцы привычно сомкнулись на рукояти.

Я выхватила кинжал и резким, отчаянным движением упёрла его остриё прямо ему в грудь, чуть ниже ключицы.

– Не смей! – прошипела я, глядя в его чёрные, нечеловеческие глаза. – Я не позволю тебе лапать меня после того, как ты трахал эту девку!

Рейнар замер, но в его взгляде не было ни капли страха. Только тьма и смертельная опасность. Грудь генерала тяжело вздымалась, он издал низкий, вибрирующий рык.

Вместо того чтобы отстраниться, он сам подался вперёд, насаживаясь на лезвие.

– Ну же, давай, – его голос превратился в зловещий шёпот. – Избавься от калеки, Милавия. Ты же этого хотела с самого

начала. Давай! Режь!

Моя рука дрогнула. Я инстинктивно надавила сильнее, и острый кончик пропорол ткань его рубашки, входя в мышцу. По смуглой коже мгновенно потекла густая, тёмная кровь.

Я охнула. Кровь на моих руках. Настоящая кровь. Страх парализовал меня, пальцы оцепенели. Я смотрела на расползающееся красное пятно, вдруг отчётливо понимая: я не убийца. Я не смогу забрать чужую жизнь, даже если ненавижу этого человека всем сердцем.

Рейнар издал короткий, издевательский смешок. Он даже не поморщился от боли.

– Кишка тонка? – глумливо процедил он, глядя на моё побелевшее лицо. – Да. Я так и думал. Ты помимо того, что шлюха, ещё и жалкая трусиха.

Я захлебнулась от обиды, но не успела ответить. Железные пальцы генерала перехватили моё запястье. Одно жёсткое движение и кинжал со звоном отлетел на пол.

В ту же секунду Рейнар впился в мои губы. Это был не поцелуй, а жадное, карающее нападение. Он сминал мои губы, проникал языком, подавляя любой протест, заставляя глотать его тяжёлое дыхание и вкус горьких трав.

Я замычала, отчаянно колотя свободной рукой по его здоровому плечу, но он лишь перехватил мои запястья и намертво прижал их к подушке над моей головой.

Его вторая рука скользнула к поясу. Я услышала глухой лязг пряжки и звук расстёгивающихся штанов.

– Нет... – выдохнула я в его губы, дёрнувшись всем телом.

Но было поздно. Без подготовки, без капли нежности, ведомый лишь инстинктами обезумевшего дракона, он резко, одним безжалостным толчком вошёл в меня.

Оглушительная, разрывающая боль пронзила всё тело. Мой крик потонул в его жадном рту, а по щекам покатились обжигающие слёзы. Замок Вальдегардов наконец-то получил мою кровь. Но не ту, на которую рассчитывал генерал.

Рейнар замер, словно наткнувшись на невидимую стену. Его тело над моим окаменело, а в чёрных глазах, залитых драконьим безумием, вдруг мелькнуло подобие человеческого шока.

Он тяжело, со свистом выдохнул, глядя на моё искажённое болью лицо.

– Девственница? – его голос дрогнул, растеряв всю глумливую спесь. Хватка на моих запястьях ослабла, но он не отстранился. – Твой отец... сказал, что ты...

– Мой отец лжец, – прохрипела я сквозь слёзы, с ненавистью глядя в его глаза. – И ты... ты тоже монстр. Вы все одинаковые.

Глава 3

Я попыталась вырваться, дёрнула ногами, и это движение отдалось новой, пульсирующей вспышкой боли. Я тихо заскулила, закусив губу.

На долю секунды на лице генерала отразилась вина. Острая, болезненная гримаса исказила его грубые черты. Он понял, что натворил.

Но зверь, дорвавшийся до своей самки, уже не мог остановиться. Дракон внутри него глухо, угрожающе зарычал, подавляя остатки человеческого разума.

Рейнар наклонился, и его губы осторожно коснулись моей щеки, слизывая солёную влагу. А затем он снова начал двигаться.

Сначала это была пытка. Каждое его движение, медленное и осторожное, словно он боялся сломать меня окончательно, отдавалось тупой, тянущей болью. Я стиснула зубы и зажмурилась, проклиная в мыслях и его, и свою слабость, и этот проклятый замок.

Но постепенно боль начала притупляться. Жар его огромного тела согревал мою замёрзшую кожу. Его губы скользили по моей шее, ключицам, обжигали дыханием ухо. И вдруг, где-то глубоко внизу живота, сквозь ненависть и страх, начал распускаться тугой, обжигающий узел странного удо-

вольствия.

Моё тело, никогда не знавшее ласки, предательски откликлось на эту грубую силу.

Рейнар двигался всё быстрее, всё глубже, теряя контроль. Его дыхание стало рваным, рычащим. Мои руки, освободившись от его хватки, больше не пытались оттолкнуть его широкие плечи. Пальцы сами вцепились в его спину, царапая кожу.

Я выгибалась навстречу его толчкам, тихо постанывая, забыв о гордости, о разводе, обо всём на свете.

В эту ночь не было генерала и нежеланной жены.

Были только обезумевший от потери связи зверь и женщина, которая инстинктивно откликалась на его зов.

Когда рассвет окрасил небо в холодные, серые тона, я открыла глаза.

В спальне стоял стылый холод. Постель рядом со мной была пуста. Рейнар ушёл, даже не дождавшись, пока я проснусь.

Я с трудом села, натягивая на грудь измятое одеяло. Всё тело невыносимо ныло. Между ног горело огнём, а на белой простыне расплылось бурое пятно моей невинности. Запах горьких трав и мужского пота всё ещё висел в воздухе, смешиваясь с ароматом пролитой ночью крови из его плеча.

Я обхватила колени руками и, уткнувшись в них лицом, наконец-то позволила себе заплакать. Я плакала от боли, от унижения, от того, что даже моё тело предало меня, ответив на его страсть. Но слёзы быстро кончились, оставив после

себя лишь пустоту.

Я заставила себя встать. Колени дрожали. Я налила в таз ледяной воды из кувшина и долго, остервенело смывала с себя его запах и следы этой ночи. Затем достала из сумки самое плотное, закрытое шерстяное платье и надела его, застегнув на все пуговицы до самого горла.

Окинув напоследок взглядом постель, я подхватила сумку и вышла из комнаты.

Во внутреннем дворе было пусто и ветрено. Чёрная карета без гербов уже ждала меня. Никто из стражи или слуг не вышел проводить опальную жену генерала.

Никто, кроме одного человека.

У самого колеса кареты, переминаясь с ноги на ногу на морозе, стоял Рик – парнишка с конюшни, единственный, кто общался со мной здесь без пошлых смешков и намёков.

Его нос покраснел от холода, а в руках он комкал старую шапку.

Когда я подошла, он торопливо поклонился и сунул мне в руки небольшой свёрток.

– Берегите себя, госпожа, – тихо, чтобы не услышал возница, пробормотал Рик. – На Севере люто. Я... я буду писать вам. Обещаю. Буду отправлять письма с почтовыми птицами, как только смогу.

У меня защемило сердце. Я благодарно сжала его замёрзшую ладонь.

– Спасибо тебе, Рик. За всё.

Я забралась в промёрзший салон кареты, и дверца за мной захлопнулась. Колёса мерно застучали по камням, унося меня всё дальше от стен, которые так и не стали мне домом.

Возница гнал лошадей не жалея – приказ генерала был ясен: избавиться от меня как можно скорее.

Я сидела, прислонившись виском к ледяному стеклу, и смотрела на проплывающие мимо серые пустоши. Страх перед будущим не было. Было только изматывающее, сосущее чувство пустоты.

Обитель Безмолвных Сестёр. Место, которым на Севере пугали непослушных детей.

Это был даже не монастырь в привычном понимании, а тюрьма для тех, от кого отвернулись семьи и кланы. Древняя каменная крепость, затерянная в Ледяных кряжах, где круглый год царила зима. Но самым страшным был не холод. Обитель накрывал древний антимагический купол. Он высасывал из одарённых любую искру силы, сводя их с ума. Маги, лишённые связи со своим резервом, ломались там за несколько месяцев, превращаясь в пустые, безвольные оболочки – тех самых Безмолвных Сестёр, доживающих свой век в тяжёлом физическом труде и молитвах.

Рейнар знал, что делает. Я не была магом, но для изнеженной аристократки, не привыкшей к каторжному труду на морозе, это был смертный приговор. Он просто отправил меня умирать. Медленно и мучительно.

От этой мысли внутри всё заledenело. Я стиснула зубы так, что свело челюсти.

«Нет, генерал. Я не сломаюсь тебе на радость. Я обязана выжить».

Я отвела взгляд от окна и опустила глаза на свёрток, который лежал у меня на коленях. Грубая обёрточная бумага, перевязанная пеньковой верёвкой.

Озябшими пальцами я развязала узел. Внутри оказался большой пуховый платок. Толстый, невероятно мягкий, из дорогой шерсти северных архаров.

Я невольно ахнула, проведя ладонью по невесомому ворсу. Такой платок стоил целое состояние. Наверное, не меньше пяти золотых! Для простого парнишки-конюха вроде Рика это были баснословные деньги – его жалование за несколько месяцев тяжёлой работы в навозе.

У меня защипало в глазах. Я зарылась лицом в тёплую шерсть, вдыхая едва уловимый запах сена и морозного ветра.

Рик. Единственный человек в замке Вальдегардов, который видел во мне не разменную монету, не «бракованную» сестру красавицы Амалии и не угрозу. Он просто жалел мёрзнущую девчонку, которая приходила на конюшню покормить лошадей, чтобы хоть ненадолго сбежать от презрительных взглядов слуг.

Я плотно укуталась в платок, накинув его на плечи. Теп-

ло почти мгновенно окутало меня, прогоняя промозглую сырость кареты.

– Я не забуду тебя, Рик, – прошептала я в тишине. – И выживу. Хотя бы для того, чтобы доказать Рейнару Вальдегарду, как сильно он ошибся.

Глава 4. Монастырь

Путь на самый край Севера занял несколько бесконечных, изматывающих дней.

Я сидела, прислонившись виском к ледяному стеклу, плотнее кутаясь в пуховый платок Рика, и смотрела на проплывающие мимо хмурые пейзажи, выискивая хоть какую-нибудь возможность сбежать.

Но за окном открывался неутешающий вид: белый плен, метель, которая не утихала.

Карета ползла по узкому, обледенелому карнизу горной дороги. С одной стороны нависала отвесная чёрная скала, с другой – зияла пропасть. Один рывок наружу – и я полетела бы прямо в бездну, затянутую серой метелью.

В те промежутки, когда дорога пролежала по равнине, бежать было некуда. Вокруг расстилалась мёртвая снежная пустыня, где лютый мороз убивал медленно, но верно.

Сквозь завывания ветра я то и дело слышала грубый бас вооружённого стражника, сидевшего на козлах рядом с возницей. Стоило мне только сунуться из салона, двое крепких людей Рейнара догнали бы меня в два счёта.

Карета остановилась так резко, что я едва не ударилась плечом о деревянную стенку. Скрипнули полозья, тревожно зафыркали уставшие лошади.

Дверца распахнулась, выпуская внутрь вихрь колючего снега.

– На выход, госпожа, – хмуро бросил стражник Рейнара.
– Дальше пешком. Лошади под купол не пойдут. Сдохнут.

Я спустилась на промёрзшую землю. Порыв ветра едва не сбил меня с ног. Стражник небрежно скинул мою дорожную сумку на наст, но возвращаться на козлы не спешил. Он напряжённо смотрел вперёд. Ждал, когда я войду в ворота.

Раздался оглушительный скрежет несмазанных петель, перекрывший даже вой метели. Массивные железные ворота Обители медленно поползли в стороны.

Оттуда, прямо в снежную круговороть, шагнули двое рослых стражей монастыря. Они были с ног до головы закутаны в тяжёлые звериные шкуры и многослойные меха. Их лица почти полностью скрывали глубокие меховые капюшоны и шарфы, которые закрывали низ лица, оставляя лишь узкие щели для суровых глаз. В толстых рукавицах они крепко сжимали деревянные древки алебард.

Они застыли по обе стороны от входа, словно два огромных медведя. Монастырь вышел встречать свою новую пленницу. Любая жалкая мысль о побеге умерла, так и не родившись: стоило мне сделать шаг в сторону, и эти цепные псы Севера скрутили бы меня в мгновение ока.

Только убедившись, что меня «приняли», конвоир Рейнара запрыгнул на козлы. Возница торопливо, словно боясь заразиться проклятьем этого места, хлестнул лошадей, и каре-

та спешно покати́лась прочь.

Я осталась одна перед вооружённой охраной и разверзнутой пастью моей тюрьмы. Один из стражей глухо стукнул древком алебарды о камни, недвусмысленно указывая мне внутрь.

Подхватив тяжёлую сумку, я сделала первый шаг. Снег захрустел под ботинками.

Стоило мне пересечь невидимую границу купола и пройти мимо охраны, как на плечи рухнула бетонная тяжесть. Воздух мгновенно стал густым, в ушах болезненно зазвенело. Мир вдруг лишился всех звуков, погрузившись в оглушительную, мёртвую тишину. Купол давил, выжимая из тела силы, подавляя саму жажду жизни.

Я задохнулась и покачну́лась, едва не упав на колени.

Значит, вот как это работает. Он ломает волю в первые же минуты.

Но в следующее мгновение глубоко внутри, под рёбрами, вдруг зародилось незнакомое ощущение. Это была крохотная, обжигающе-холодная искра. Она скользнула по венам, замораживая страх, вытесняя слабость.

Купол пытался раздавить меня, но эта искра внутри... она словно впитала этот мороз, признала его своим. Я с трудом выпрямилась, с удивлением понимая, что ледяной ветер вдруг перестал казаться враждебным.

Во внутреннем дворе меня уже ждали. Три фигуры в одинаковых, мешковатых мышино-серых балахонах из грубой

ткани. На груди каждой, прямо над сердцем, был грубо вышит знак Обители: три прямые вертикальные черты, наглухо перечёркнутые одной косой линией.

Похожий на тюремную зарубку, этот жестокий символ означал то, чего лишались здешние пленницы навсегда: Имя, Магия, Голос. Косая черта безжалостно отсекала всё человеческое.

Лица женщин были скрыты глубокими капюшонами, но когда центральная фигура подняла голову, я содрогнулась.

Её глаза были абсолютно пустыми. Выцветшие, тусклые, лишённые всякого проблеска мысли, эмоций или воли. Взгляд живого мертвеца. Настоящая Безмолвная Сестра.

Женщина не произнесла ни слова. В этом месте звуки были под запретом. Она лишь сухо кивнула, перехватив костлявыми пальцами деревянный посох – на его древке был выжжен тот же рубящий знак – и указала в стылую темноту коридоров.

Здесь не было места титулам. Баронесса Милавия Вэйн, законная жена генерала Вальдегарда, осталась там, за пределами купола. Для этих стен я была лишь очередным куском мяса, который нужно сломать.

Я сжала пальцы на ручках сумки, чувствуя под плотной тканью платья спасительное тепло подаренного платка. Вздёрнула подбородок, глядя прямо в пустые глаза надзирательницы.

И, расправив плечи, зашагала вперёд. В свой новый ледя-

ной дом. Вслед за фигурами.

Меня провели по длинному тёмному коридору и втолкнули в небольшую комнату. После пронизывающего ледяного ветра двора она показалась мне настоящим раем: в углу, в каменном очаге, весело потрескивал огонь. Жар от пламени ударил в лицо, и я с наслаждением вдохнула тёплый воздух. Пальцы на руках так заоченели, что я с трудом поборола отчаянное желание броситься к камину, протянуть руки к спасительному огню и согреться. Но гордость не позволила мне показать слабость. Я осталась стоять на месте, выпрямив спину.

Три провожатые остановились напротив меня и одновременно скинули глубокие капюшоны.

На привычных служительниц богов они походили мало. Скорее на измождённых призраков. Все трое были болезненно худыми. Одной на вид было около сорока, две другие выглядели совсем старухами: их пепельные, седые волосы были зачёсаны назад и стянуты на затылках так туго, что пергаментная кожа на лицах казалась натянутой до предела, обнажая острые углы черепа.

Но я сразу поняла, кто из них главная. Та, что была ниже всех ростом. У неё был тяжёлый, колючий, по-настоящему цепкий взгляд темно-карих глаз. В отличие от двух других сестёр, застывших по бокам подобно безмолвным мумиям, в ней чувствовалась стальная, жестокая воля.

К моему удивлению, она заговорила. Голос её оказался су-

хим и скрипучим, как несмазанная телега.

– Правила Обители просты, – отчеканила она, не утруждая себя приветствиями. – Разговаривать строжайше запрещено. Право голоса здесь имеют лишь надзирательницы. Подъём ровно в пять утра. У монастыря жёсткое расписание: тяжёлая работа на благо Обители и молитвы Богам Тишины и Холода. За любую провинность, лень или звук – наказание карцером. Об остальных порядках узнаешь завтра. А сейчас сестра Верна проводит тебя в твою келью.

Самая высокая из «мумий» – женщина с мёртвым взглядом – молча развернулась и пошла к выходу. Я подхватила сумку и, бросив последний тоскливый взгляд на огонь в камине, последовала за ней.

Сестра Верна вела меня по серым, выстуженным коридорам, сворачивая то влево, то вправо. Монастырь изнутри оказался настоящим каменным лабиринтом, погруженным в вечный полумрак. Наконец, мы дошли до самой дальней двери в тупике.

То, что настоятельница назвала «кельей», на деле оказалось крохотным, промёрзшим чуланом без окон. Внутри едва помещались узкая кровать, хромой стул и покосившийся деревянный шкаф.

Сестра Верна отступила в сторону. Я шагнула внутрь. За моей спиной тут же с грохотом захлопнулась тяжёлая дверь, и звякнул засов.

Я осталась одна.

Сначала я пыталась крепиться. Разобрала немногочисленные вещи, повесила подаренный Риком платок на спинку стула. Но оглушительная, мёртвая тишина Обители начала давить на барабанные перепонки, сводя с ума.

Я села на кровать, обхватив плечи руками, и попыталась уснуть. Но в голове безумным вихрем крутились мысли. Воспоминания о *той* ночи, о горячих руках Рейнара, о боли и постыдном удовольствии обрушились на меня. Кажется, это было в прошлой, совершенно другой жизни. Только сейчас, сидя в этом ледяном каменном мешке, я поняла, что замок Вальдегарда со всеми его интригами и презрительными слугами был настоящей сказкой по сравнению с тем, что ждало меня теперь.

Мысли перенеслись в отчий дом. Перед глазами встало бледное, заплаканное лицо мамы. Мой отец пытался играть по правилам столичных лордов Имперского предела, проигрывая состояние за состоянием. Он мечтал выдать мою сестру Амалию за посла из богатого Королевства Эспер. В итоге продал Вальдегарду. Мама умоляла отца не отдавать меня Чёрному дракону вместо сбежавшей Амалии! Но отец никогда её не слушал. Мама была для него такой же безголосой пленницей, какой я стала сейчас в этих стенах. Она ничего не смогла сделать, а отец, боясь, что я устрою истерику, даже не дал нам нормально проститься, просто запихнув меня в экипаж.

Я легла, свернувшись калачиком. Матрас под спиной глу-

хо хрустнул, он был плотно набит соломой и казался жёстче камня. Вспомнив невероятно мягкие, пышные перины в замке Рейнара, я заплакала. Нет, не только из-за перин, просто это стало тем последней каплей, из-за которой внутри что-то сломалось.

Слёзы, которые я так долго сдерживала, прорвались наружу. Я уткнулась лицом в колючую подушку, пытаюсь подавить крик, рвущийся из груди.

Златоликий*, за что мне такие испытания?! В груди невыносимо болело от жгучей обиды и несправедливости. Ведь Рейнар знал! Он прекрасно знал, на что обрекает меня, отправляя в Обитель. Настоящий безжалостный, жестокий зверь.

Не зря люди называли его чудовищем. О генерале Рейнаре Вальдегарде, Чёрном драконе Севера, я знала с пятнадцати лет. Его имя гремело на всю империю. Он был одним из лучших военачальников.

Рейнар был тем, кто спас всех нас. Когда дикие орды оборотней хлынули из Свободных земель Шантар, сминая пограничные гарнизоны Рубежного предела, именно Черный дракон преградил им путь. Он спас Империю Кронхолд от уничтожения, но Кронхолд отплатил ему забвением, заперев героя здесь, в снегах Северного предела

Тогда его блестящая карьера оборвалась. Мне было восемнадцать, когда за ужином в нашем тогда ещё процветающем поместье отец рассказал заехавшему соседу о судьбе

Рейнара. В последнем, решающем бою Чёрный дракон сошёлся в схватке с вожаком оборотней. Рейнар победил, но страшные когти разорвали ему ногу. Рана была проклята, лекари едва спасли ему жизнь. Дракон остался калекой. После этого хромого генерала списали со счетов, и он, озлобленный на весь мир, ушёл в отставку, запершись в своём северном замке.

Я помню, как тогда, сидя за столом, сжимала в руках салфетку. Мне было так невыносимо жаль этого сломленного героя...

Я всхлипнула, глотая злые слёзы. Как же я была глупа. Как я могла жалеть это чудовище, которое без колебаний выбросило меня на мороз на верную смерть?

Тишина кельи казалась абсолютной, мёртвой.

И вдруг, сквозь собственное сдавленное дыхание, я отчётливо услышала:

– *Кто ты?* Как тебя зовут? – прошелестел в темноте тихий шёпот.

**Дайрен Златоликий - божество света и солнца, которому поклоняются во всём мире*

Глава 5. Соседка

Я резко села на кровати, судорожно втягивая ледяной воздух. Бешено заколотилось в груди.

Показалось? Иллюзия, рождённая уставшим разумом и этой сводящей с ума тишиной?

Я затаила дыхание, вслушиваясь в темноту.

– Эй... не молчи. Я знаю, что ты там плачешь, – снова раздался едва уловимый шелест. Он шёл от стены, смежной с соседней кельей.

Стерев слёзы рукавом платья, я сползла с матраса на каменный пол и на четвереньках подобралась к звуку.

В сплошной каменной кладке, в самом тёмном углу за покосившимся шкафом, зияла чёрная щель.

Один из тяжёлых камней был аккуратно вытасчен внутрь соседней комнаты, образуя крохотный сквозной лаз.

– Кто здесь? – выдохнула я прямо в темноту щели.

– Слава светлым богам, ты живая, – с явным облегчением отозвался девичий голос по ту сторону. – Меня зовут Бекки. Не бойся, я не из этих... не из надзирательниц. Я тебя не сдам.

– Милавия, – ответила я, почему-то решив не называть титул. – Можно просто Мила.

– Очень приятно, Мила, – Бекки шмыгнула носом, словно

тоже замёрзла. – Добро пожаловать в склеп. За что тебя сюда упекли?

Я прикрыла глаза, прислонившись лбом к холодной стене.

Рассказывать правду было стыдно и больно, но этот живой голос в крошечной тьме стал для меня единственным спасательным кругом.

– Я ударила своего мужа, генерала Вальдегарда, – слова давались тяжело, они царапали горло. – Он изменил мне со служанкой. За это он оформил Отречение и сослал меня сюда.

По ту сторону стены повисла пауза.

– Бездна... – потрясённо прошептала Бекки. – Ты смелая, Мила. Дать пощёчину самому Вальдегарду! Говорят, от одного его взгляда солдаты в обморок падают. Раз ты пережила его ярость, значит, и этот монастырь переживёшь.

В её словах было столько искреннего участия, что ком в горле, душивший меня весь вечер, начал понемногу рассасываться.

– А ты? – тихо спросила я. – Как ты здесь оказалась?
Бекки издала горький смешок.

– Я? А я позор семьи. Я «пустородная».

Пустородные.

Так в Империи называли тех, кто рождался абсолютно лишённым даже крупницы магического дара.

В мире, где магия означала власть, силу и статус, рожде-

ние пустородного ребёнка в знатной семье считалось проклятием, грязным пятном на репутации всего рода.

К таким детям относились хуже, чем к бродячим собакам или прокажённым. Их прятали, стыдились, а порой от них просто избавлялись.

И как же мне знакомо было это слово. Амалия и отец частенько меня так называли. Но мама верила, что я не безнадёжна.

Мне просто надо больше времени, говорила она. В отличие от Бекки мне повезло, что мама не позволила отцу избавиться от меня так же, как избавились от Бекки.

– Мой отец, – продолжила Бекки, – прямой потомок великого магистра Вергилия Тарна. У нас в роду поколениями рождались сильнейшие стихийники Кронхолда. И тут появляюсь я. Пустышка. Ни искры, ни капли дара. Мать плакала, отец рвал на себе волосы. Меня прятали в дальнем крыле поместья шестнадцать лет, а когда пришло время вывести меня в свет... они решили, что лучше похоронить меня заживо здесь, под куполом Безмолвных Сестёр, чем терпеть насмешки других лордов. Для всего мира я умерла от лихорадки месяц назад.

– Бекки... мне так жаль, – я инстинктивно протянула руку в темноту, сжала холодные пальцы девушки.

– Ничего, – голос Бекки дрогнул, но она быстро взяла себя в руки. – Здесь все равны, Мила. Знаешь, поначалу хочется лезть на стену от тишины, но человек ко всему привыкает.

Главное – не сдаваться. Ты не одна, слышишь? И я очень рада, что ты здесь. Будем поддерживать друг друга и выживем. Всем назло.

От её слов внутри стало чуточку теплее.

Та крохотная, обжигающе-холодная искра, что проснулась во мне у ворот монастыря, снова слабо шевельнулась под рёбрами, словно отзываясь на голос Бекки.

Вдалеке, в коридоре, слышались тяжёлые, шаркающие шаги патрульной сестры.

– Мне пора, – зашептала Бекки быстрее. – Нужно вставить камень на место, иначе нас обоих бросят в карцер, а там можно замёрзнуть насмерть. Мне один раз повезло там оказаться. Слушай меня внимательно, Мила. Завтра на рассвете нас выведут на работы. Когда увидишь меня – не смотри в мою сторону. Не улыбайся, не подавай виду, что мы знакомы. Нам нельзя общаться. За любую связь здесь наказывают плетью. Поняла?

– Поняла. Спасибо тебе, Бекки.

– До завтра, Мила, – шепнула она.

Раздался тихий скрежет камня о камень – тяжёлый блок плотно встал на своё место, отрезав меня от соседней кельи. Тишина снова обрушилась на плечи, но теперь она уже не казалась такой безнадёжной. У меня появился тайный союзник.

Я забралась обратно на жёсткую кровать и натянула на себя тонкое одеяло, свернувшись в клубок, чтобы сохранить

крохи тепла.

Глаза слипались от пережитого за день ужаса и изнеможения, но тревожные мысли крутились в голове не прекращаясь.

Что за работы ждут меня завтра?

Выдержу ли я? Что это за странный ледяной холод живёт теперь в моей груди?

И сколько ещё таких же сломленных, преданных своими семьями девушек, как Бекки, скрывают эти стены?

Под завывание северного ветра за толстыми стенами монастыря я, наконец, провалилась в тяжёлый, беспокойный сон.

(Северный предел, Замок Вальдегарда)

Ночь тянулась бесконечно.

С глухим рычанием я отбросил в сторону смятое одеяло и сел на краю огромной кровати, тяжело опершись локтями о колени.

Провёл ладонями по лицу, пытаясь прогнать наваждение. Не помогало.

Внутри, царапая череп изнутри, ревел дракон.

Зверь метался в своей ментальной клетке, бил шипастым хвостом по рёбрам и требовал только одного.

«Верни. Моя. Верни её!»

– Заткнись, – хрипло процедил я в погружённую во мрак

спальню. – Ты совсем спятил.

Я с силой растёр виски, но гнев дракона, смешанный с тоскливым воем, продолжал сводить меня с ума.

Мой внутренний зверь, моя вторая сущность, с которой мы столько лет были единым целым на полях сражений, теперь бунтовал. И из-за кого?

Из-за девчонки. Из-за дерзкой, упрямой девчонки, которую я сам же вышвырнул из замка несколько дней назад.

Дракон снова зарычал, требуя расправить крылья, догнать карету, разорвать конвой и принести добычу обратно в гнездо.

Он почуял в ней что-то, чего не видел я и теперь сходил с ума от потери.

– Она пустородная! – рявкнул я вслух, обращаясь к самому себе, надеясь, что хоть так зверь меня услышит. – В ней нет ни капли магии. Ни искры! Ты, древний ящер, спятил, если тебя влечёт к пустышке!

Я сжал кулаки. Правая нога, изуродованная когтями оборотня, отозвалась тянущей болью.

Я машинально потёр бедро над шрамом.

Да, я ошибся на её счёт. Признаю.

Когда эта мелкая баронесса только прибыла в мой замок на Северном пределе, я был уверен, что изворотливый Вэйн подсунил мне порченный товар.

Я видел, как она украдкой сбегала на конюшню, как перешёптывалась с тем молодым конюхом, и мой извращён-

ный цинизмом разум тут же дорисовал картину: столичная шлюшка, решившая развлечься, предпочитая молодого красивого парня, вместо того, чтобы согреть мою постель.

Но в *ту* ночь... когда её тонкие пальцы впивались в мои плечи, а на простынях расцвело алое пятно, я понял, как жестоко просчитался.

Она оказалась девственницей.

Вот только от её невинности магии в ней не прибавилось.

Для Империи Кронхолд пугающие были мусором. Барон Вэйн наверняка прятал её всю жизнь, а потом решил сбросить на меня, как балласт.

Я сцепил зубы, вспоминая пощёчину, которой она меня наградила.

Щека тогда горела не от боли, а от возмущения.

Никто, кроме Императора, не смел поднимать руку на генерала Вальдегарда. А эта мелкая мышь посмела.

Зверю внутри это понравилось. Мне – нет.

– Мне и без неё хватает проблем, – пробормотал я, тяжело поднимаясь с кровати и хватая тяжёлую трость с набалдашником.

С каждым шагом искалеченная нога взрывалась болью, напоминая о моём месте в этом мире.

Списанный, хромой герой, запертый во льдах, на которого столичные лорды смотрят с лицемерной жалостью, а за спиной называют калекой.

Мне с лихвой хватало этого унижительного сочувствия.

Если бы в Кронхолде узнали, что жена Чёрного дракона – пустородная пустышка, жалость сменилась бы откровенным презрением и насмешками.

Я не мог этого позволить.

Слабая жена потянула бы меня на самое дно. Обитель Безмолвных Сестёр – лучшее место для такой, как она.

Там безопасно. Там она не будет мозолить мне глаза.

«*Тру-у-ус...*» – прошипел дракон с презрением в моей голове.

Я снова рухнул на кровать, попытался закрыть глаза, но стоило векам сомкнуться, как перед мысленным взором возникало бледное лицо Милавии.

Её огромные, полные слёз и гнева глаза, когда она застала меня с той девкой-служанкой.

Демоны дери эту прислугу!

Я даже имени её не помнил, просто позволил ей остаться в комнате, чтобы доказать самому себе, что мне плевать на свою новоиспечённую жену.

Оказалось – не плевать.

Я ворочался ещё час.

Дракон внутри взбесился окончательно. Он начал биться о рёбра, разжигая в крови чёрное пламя.

Температура моего тела стремительно поползла вверх.

Если я не выпущу его сейчас, он сожжёт меня изнутри.

Схватив трость, я накинул на плечи плащ прямо поверх рубахи и хромая покинул спальню.

Ночной замок спал. Одинокие стражники в коридорах вытягивались по струйке, вжимаясь в стены и отводя взгляды. Они знали это выражение моего лица.

Знали, что сейчас мне лучше не попадаться на пути.

Выйдя во внутренний двор, я вдохнул колючий, ледяной воздух Севера.

Метель давно стихла, уступив место ясному, морозному небу, усыпанному острыми осколками звёзд.

Я отбросил трость в снег. Скинул плащ.

– Хочешь свободы? – прорычал я своему внутреннему зверю. – Забирай!

Процесс обращения всегда приносил боль, но сейчас она была желанной.

Она заглушала мысли о Милавии.

Тело мгновенно окутала густая, клубящаяся тьма.

Кожа потемнела, мягко перерождаясь в плотный панцирь из непробиваемой угольно-чёрной чешуи.

Мышцы налились мощью, стремительно увеличиваясь в размерах, а лицо вытянулось, обращаясь в массивную шипастую морду.

Сквозь острые, как клинки, клыки с тихим шипением вырвался первый клуб горячего чёрного дыма.

Спустя мгновение посреди заснеженного двора стоял Чёрный дракон. Я был огромен. Смертоносен.

Моя задняя лапа – та самая, проклятая – уродливо припала к земле, покрытая неровными шрамами вместо гладкой

чешуи. Но в образе дракона это не имело значения. Главное мои крылья были целыми.

Я оттолкнулся от земли и взмыл в ночное небо.

Ледяной ветер ударил в морду, скользя по чешуе.

Я поднимался всё выше и выше, туда, где воздух становился разреженным и обжигаяще холодным.

Полёт – вот что было моим лекарством.

Ветер выдувал из головы все глупые мысли, все сомнения и неуместную тоску по девчонке с глазами затравленного оленёнка.

Я летел над заснеженными пиками Северного предела, выдыхая в чёрное небо струи тёмного пламени.

Завтра я о ней забуду. Точно забуду.

И дракону придётся с этим смириться.

Глава 6. Первый день

Утро началось не с рассвета, а с зубодробительного звона колокола. Звук ударил по ушам так резко, что я подскочила на лежанке, судорожно вдыхая ледяной воздух.

В келье было холодно. Из рта вырвалось облачко пара. Я обхватила себя за плечи.

Никакого пробуждения от дурного сна. Никакой тёплой постели в замке Чёрного дракона.

За дверью загрохотали отодвигаемые засовы. Времени на раздумья не оставалось.

Я торопливо стянула свой плащ и платье, надела оставленную с вечера мышино-серую робу.

Ткань оказалась жёсткой, как мешковина, и пахла сырой шерстью. Поверх неё полагался тяжеленный, почти неподъёмный плащ.

Он давил на плечи гранитной плитой, но я быстро поняла его ценность – такая броня отлично удерживала крохи тепла. На руки я натянула грубые варежки, связанные толстой верёвкой.

Дверь распахнулась. На пороге стояла сестра Верна – одна из трёх надзирательниц.

Её взгляд не выражал ни злости, ни презрения. Только пугающее равнодушие, с каким смотрят на тягловой скот.

Она сухо стукнула деревянным посохом о каменный пол.
Выходи.

В коридоре уже выстраивались серые тени. Я ожидала увидеть толпу, но нас было немного – человек сорок, может, пятьдесят.

Разные лица, разные возрасты, но у всех одинаково опущенные плечи и потухшие глаза.

Кем они были до того, как их похоронили здесь заживо?

Неугодными дочерьми?

Бесприданницами?

Пустородными, как Бекки?

Нас вывели во внутренний двор, резкий ветер швырнул в лицо горсть ледяной крошки, но сегодня уже было не так холодно, как вчера. Или я уже привыкла. Никогда не думала, что к холоду можно привыкнуть.

Работу не объясняли – просто указали посохом на гору наколотых дров у дальних ворот и на кухонные двери на другом конце двора. Носить. Без остановок. В полном молчании.

Первый час я ещё чувствовала какое-то тепло от движения. Но вскоре толстые варежки промёрзли насквозь. Деревянная кора цеплялась за ткань, поленья казались свинцовыми.

Таская охапки, я украдкой рассматривала подруг по несчастью.

Рядом со мной, надрывно дыша, спотыкалась совсем юная девочка; по её обветренным щекам текли слёзы.

Чуть поодаль шла женщина постарше – она двигалась размеренно и тяжело, глядя перед собой пустыми глазами. Будто механическая кукла, из которой выскребли душу.

«Неужели и я стану такой?» – эта мысль сковала сердце посильнее мороза.

Зайдя в отапливаемое помещение кухни с очередной порцией дров, я принялась складывать их в поленницу.

И вдруг поймала на себе чужой взгляд.

Темноволосая, слегка сутулящаяся девушка присела рядом, укладывая свои поленья.

– Это я, Бекки, – едва уловимо, одними губами шепнула она.

В груди радостно дрогнуло. Простая человеческая связь, звук имени в этом царстве немоты показались чудом.

Я невольно расплылась в искренней улыбке, но лицо Бекки мгновенно окаменело.

Она резко опустила голову, ссутулилась ещё сильнее, всем видом демонстрируя покорность.

Спину тут же обожгло тяжёлым, колючим вниманием. Я повернула голову – у входа стояла Верна.

Я поспешно стёрла улыбку с лица, опустила глаза и поспешила на улицу.

Одно неверное движение, и я подведу не только себя, но и ту единственную, кто заговорил со мной.

Обед прошёл здесь же, за длинными столами. Жидкая, безвкусная похлёбка.

Перестук деревянных ложек о миски и звенящая, давящая тишина.

Никто не смел даже вздохнуть громче положенного.

А после нас снова выгнали во двор.

Как назло, зарядила метель. Ветер валил с ног.

К середине дня тело превратилось в один сплошной пульсирующий синяк.

Я баронесса, чьими самыми тяжёлыми занятиями были вышивка и танцы, – теперь глотала морозный воздух, пытаюсь просто переставить ногу.

На очередном переходе ботинок скользнул по припорошенному льду.

Я рухнула на колени, содрав кожу сквозь ткань робы. Дрова с грохотом рассыпались веером.

Сил подняться не было. Хотелось просто лечь в этот снег, закрыть глаза и лежать, глядя в серое небо.

Над головой выросла тёмная фигура.

Один из охранников в меховом плаще остановился рядом, лениво опираясь на древко копья.

– Вставай, давай, – хмыкнул он, скользя сальным взглядом по моей сжавшейся фигуре. – Или предпочитаешь раздвигать ноги, а не работать руками? В таком случае у меня есть предложение: ублажишь меня сегодня ночью – завтра будешь сидеть в тепле. Я замолвлю словечко.

Внутри меня, под рёбрами, вспыхнула злость. Ледяная злость, откликаясь на чужую мерзость.

Он не обжигал, он замораживал страх, оставляя лишь кристально чистую ярость.

Рейнар Вальдегард вышвырнул меня сюда, чтобы сломать. Этот надсмотрщик думает, что я уже сломана.

Они все ждут, когда я начну ползать и умолять.

Я медленно поднялась. Отряхнула колени. Выпрямила спину, насколько позволял тяжёлый плащ, и презрительно посмотрела охраннику прямо в лицо.

Я не произнесла ни звука. Я просто смотрела на него так, как подобает смотреть баронессе Вэйн на обнаглевшего мужлана, как на пустое место.

Его ухмылка медленно сползла. Он неуютно поёжился под моим немигающим взглядом, сплюнул в снег и, пробормотав ругательство, зашагал прочь.

А я молча опустилаcь на корточки, собрала рассыпанные поленья и понесла их на кухню.

К вечеру меня трясло.

Я едва переставляла негнущиеся ноги, опираясь плечом о каменные стены коридоров.

На ужин нас собрали в главном зале. Но прежде чем разрешить сесть, надзирательницы глухо ударили посохами. Сорок женщин синхронно опустились на ледяной пол.

Вперёд вышла старшая сестра, которая была ниже, похожая на высохшую ветку, но именно от неё исходила власть. Она воздела руки, и её надтреснутый голос разнёсся под сводами, призывая Светлых богов очистить наши «пустые, гре-

ховные души».

Она молилась о нашем смирении, а я слушала и думала о том, что Светлым богам нет дела до этого проклятого места.

Лишь когда молитва смолкла, нам позволили поесть и развели по камерам.

Едва за моей спиной лязгнул засов, я рухнула на жёсткий матрас прямо в плаще.

Тонкая, колючая подстилка показалась мне роскошной периной.

В темноте кельи больше не нужно было держать лицо. Я зажмурилась, и из-под век вырвались злые слёзы.

Отчаяние навалилось бетонной плитой.

Я не смогу. Я сдохну здесь через неделю.

Замёрзну во дворе, как бродячая собака, и никто, кроме Бекки, даже не посмотрит в мою сторону.

В самом тёмном углу слабо скрежетнул камень.

– Ну как ты? – просочился сквозь щель тихий, встревоженный шёпот. – Держишься?

Я уткнулась лицом в жёсткий рукав, подавляя всхлип.

– Лучше умереть, – выдохнула я в темноту. – Если вся жизнь теперь такая... я не хочу.

– Ты что! – тут же возмущённо зашипела Бекки. В её голосе было столько упрямой, неистребимой жизни, что мрак кельи будто слегка отступил. – Не смей даже думать об этом!

Мы выберемся.

– Как? – горько усмехнулась я, глядя в тёмный потолок. – Вокруг горы. Снег. Волки. Оборотни и антимагический купол. Мы заперты в склепе, Бекки.

– Значит, будем искать выход из него, – упрямо ответила девушка. – Люди же как-то сюда попадают. Припасы привозят. Дорога есть, Мила. Мы не сгниём здесь. Просто... выдержи ещё немного. Ради меня.

Я прикрыла глаза. Тот самый странный, пульсирующий холодок в груди снова дал о себе знать. Усталость выжала меня досуха, но искра внутри стала чуть ярче, словно питаюсь моей злостью, холодом и надеждой Бекки.

– Я постараюсь, – едва слышно прошептала я темноту. – Постараюсь.

Глава 7. Откуда лёд?

Я стою босиком посреди бескрайней белой пустоты.

Под ногами расстилается зеркало идеально гладкого, чёрного льда.

Свирепо завывает ветер, швыряя в лицо пригоршни снега, но я не чувствую привычной боли от мороза.

Вместо леденящего ужаса меня наполняет абсолютный, гипнотический покой.

Я опускаю взгляд. Там, в центре моей груди, прямо под рёбрами, пульсирует глухой синеватый свет.

Он бьётся в такт моему сердцу.

С каждым ударом по венам расходуется тягучий, звенящий холод, который не убивает, а наоборот – дарит невероятную лёгкость.

Сквозь кожу, словно живые, медленно прорастают тонкие, изящные кристаллы льда. Я протягиваю руку и касаюсь их острых граней.

Красиво. И совершенно не больно.

Я открываю рот, чтобы сделать вдох, и вместо воздуха из губ вырывается густой белый туман, мгновенно замораживающий всё вокруг...

Зубодробительный звон колокола разорвал видение на куски.

Я резко распахнула глаза, подскочив на жёсткой лежанке. Сердце колотилось где-то в горле. Вдохнув, я замерла. Воздух в келье изменился. Он был не просто холодным – он был сухим, хрустящим и пах озоном, как бывает в самом эпицентре зимней бури.

Но потрясло меня не это. Скучный серый свет, пробивавшийся сквозь высоко расположенную решётку, отражался от стен. Келья неуловимо преобразилась.

Я моргнула, отгоняя остатки сна. Грубая каменная кладка, потолочные своды, скованная железом дверь – всё было покрыто толстой, мерцающей коркой прозрачного льда. Ледяные узоры, похожие на заросли диковинных папоротников, змеились по полу, взбирались на ножки моей кровати и оплетали покосившийся шкаф. Даже моё серое мышинное одеяло посеребрил иней.

Моя камера превратилась в ледяную шкатулку.

Я в ужасе поджала ноги.

Что это? Как такое возможно? Или кто-то хотел меня убить? Заморозить?

Но ведь Обитель Безмолвных Сестёр накрыта мощнейшим антимагическим куполом.

Бекки сама говорила, что здесь блокируется любой, даже самый сильный дар.

Откуда здесь взялся этот лёд?

Паника холодной змеей скользнула по позвоночнику. Если надзирательницы это увидят...

Я не знала, что полагается за подобное, но инстинкты вопили, что меня ждёт не просто карцер.

Нас, пустых, ссылали сюда гнить заживо. Любая аномалия означала смерть.

В коридоре слышались тяжёлые, размеренные шаги сестры Верны.

Лязгнул засов на одной из соседних дверей.

Она идёт сюда!

В отчаянии я спрыгнула с кровати.

Голые ступни коснулись покрытого льдом пола, лёд не обжёг кожу. Наоборот, стоило мне наступить на него, как он тихонько хрустнул и... начал таять. Нет, не таять – впитываться.

Я упала на колени и судорожно прижала обе ладони к ледяному панцирю на полу.

Холод мощным электрическим разрядом ударил по рукам, рванул вверх по венам и клубком свернулся в центре груди – там же, где пульсировало синеватое свечение из моего видения.

Лёд на глазах истончался, превращаясь в лёгкий туман, и вытягивался в мои ладони.

Я метнулась к стене, провела по ней руками – морозная корка исчезла, оставив после себя лишь голый серый камень.

Засов на моей двери лязгнул.

Я едва успела отдёргнуть руки и запахнуть на себе тяжёлый плащ, когда на пороге возникла Верна.

Я стояла посреди обычной кельи. Только моё дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облачками.

Надзирательница мазнула по мне невыразительным взглядом, дежурно стукнула посохом об пол и развернулась, уходя к следующей двери.

Выдохнув с облегчением, я натянула варежки и поплелась следом.

Я не могла найти случившемуся логического объяснения. Магия? У меня? У пустородной баронессы, на которой всю жизнь ставили крест?

Это казалось бредом. Но пульсирующий клубок справа от сердца игнорировал любые доводы рассудка.

Нас снова выгнали во двор.

Метель, бушевавшая ночью, не собиралась сдавать позиций. Северный предел словно сорвался с цепи.

Ветер подхватывал жёсткую снежную крупу и швырял её в лица, сбивая с ног.

Серые шеренги девушек покорно ссутулились, вжимая головы в плечи.

Мы снова взялись за дрова.

Я наклонилась, подхватила на руки тяжёлую охапку промёрзших, покрытых колким льдом поленьев. Выпрямилась. Сделала шаг навстречу шквальному ветру.

Приготовилась к тому, что по щекам, как вчера, ударят ледяные плети, а пальцы в варежках мгновенно немеют.

Но удара не последовало.

Я шла через внутренний двор и с каждой секундой осознавала трансформацию. Ветер по-прежнему яростно трепал подол моего плаща, снег налипал на ресницы, но мороз больше не кусал. Он... обтекал меня. словно между моим телом и бурей образовалась невидимая, тонкая преграда.

Воздух, который вчера обжигал лёгкие стеклянной крошкой, сегодня вливался в грудь спасительной прохладой, принося с собой необъяснимую бодрость.

Тяжёлые поленья больше не казались свинцовыми. Руки не тряслись от напряжения.

Я украдкой оглянулась. Буквально в двух шагах от меня брела вчерашняя веснушчатая девочка. Её губы посинели, она жалко всхлипывала через каждый шаг.

Впереди шла ещё одна женщина – её так сильно колотила дрожь, что дрова постоянно вываливались из ослабевших рук.

Им было невыносимо холодно. Они замерзали.

А я – нет.

Я крепче перехватила дрова и уверенно зашагала к кухне, расправив плечи.

Страх перед этим местом начал отступать.

Рейнар Вальдегард сослал меня сюда, думая, что ледяной ад сломает жалкую пустышку.

Но он не знал, что Северу я придусь по вкусу.

Глава 8. Рана

Мы уже несколько дней работали изо дня в день. Носили дрова, а их как будто меньше не становилось. А после нескольких дней метели их приходилось откапывать из-под сугробов. На пятый день пребывания в монастыре мы, наконец, увидели, что осталось немного.

Мы перетаскивали последнюю партию дров. Я шла впереди, почти не чувствуя тяжести поленьев – невидимый ледяной панцирь надёжно укрывал меня от стужи. А вот юная рыжая девушка с веснушками, с которой мы постоянно пересекались во дворе, едва переставляла ноги. Она вымоталась совсем. Ещё и заболела. Её дыхание вырывалось из груди с хриплым свистом.

На обледенелом повороте к кухонным дверям она пошатнулась. Её сапог скользнул по камням, и девочка с глухим вскриком рухнула на землю. Дрова с грохотом разлетелись в стороны. Одно из тяжёлых поленьев с силой ударило её по руке.

Я бросила свою охапку и тут же опустилась рядом с ней на колени.

Девочка задыхалась от боли. Её грубая варежка порвалась, а на ладони зияла глубокая, рваная рана от деревянной

щепы и льда. Кровь капала на снег, мгновенно замерзая.

– Эй, ну-ка пошевеливайтесь! – раздался сверху ленивый голос.

Охранник, который домогался меня, подошёл ближе, безглаголиво ткнув древком копья в рассыпанные дрова.

– Разлеглась тут. Вставай, пустородная. За простой настоятельница оставит вас без ужина.

Девочка тихонько заскулила, пытаясь зажать рану здоровой рукой, но пальцы её не слушались.

Я понимала, что если оставить всё так, к утру может начаться заражение, и она лишится кисти.

Я заслонила девочку спиной, бросив на охранника предупреждающий взгляд.

– А если ей не оказать помощь, то она умрёт, – упрямо парировала я. – Не думаю, что настоятельница будет рада смерти одной из послушниц.

Охранник осёкся. Хотел что-то ещё сказать, но я уже отвернулась и наклонилась к девушке.

– Дай руку, – шепнула я девочке.

– Больно... – всхлипнула она. – Я не могу...

Я не стала слушать. Быстро стянув свою варежку, я рванула подол своей нижней юбки, отрывая узкую полоску. Замотала девочке руку, чтобы остановить кровь.

Девочка судорожно дёрнулась.

– Тише, тише, сейчас всё пройдёт, – попыталась успоко-

ить её. И вспомнив как мама в детстве баюкала меня, прижимая руку к больному месту, так же легонько сжала её руку. Напевая забытые слова песни.

«Ветер северный, подуй,

Злую рану зацелий.

Пусть холодный, белый лёд

Боль с собою заберёт...»

Я почувствовала, как из центра моей груди по венам рванулась ледяная энергия.

Она стекла на кончики моих пальцев, перетекая в чужую плоть. Кровь под моей ладонью больше не текла – она кристаллизовалась, превращаясь в тончайшую розовую корку льда.

Девочка неотрывно смотрела на свою ладонь. Размотала повязку. Раны не было.

На её месте остался лишь бледный, чуть мерцающий шрам, но и он на глазах сливался с кожей.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но я мгновенно прижала палец к губам.

– Тсс! – я торопливо натянула ей на руку порванную варежку. – Ни слова. Поняла? Никому. Иначе у нас обеих будут проблемы.

Она часто-часто закивала, но теперь её взгляд был напол-

нен настоящим благоговением.

– Я Тина, – едва слышно выдохнула она.

– Вставай, Тина. Нам нужно отнести дрова.

Мы торопливо собрали рассыпанные поленья. Охранник так и стоял к нам спиной, лениво потирая замёрзший нос. Когда мы вдвоём ввалились в тёплое помещение кухни, я сразу же увидела Бекки.

Она что-то помешивала в огромном чане, но умудрилась незаметно кивнуть мне.

Я кивнула в ответ.

Шрам на щеке дёрнуло резкой болью.

Я поморщился и с силой потёр его, отворачиваясь от окна, за которым опять бесновалась северная метель.

Погода в последние дни словно сошла с ума.

Прихрамывая, я дошёл до массивного дубового стола и плеснул себе в кубок тёмного терпкого вина.

Искалеченная нога сегодня ныла невыносимо. Но хуже всего было не это.

Внутри моей грудной клетки беспокойно ворочался дракон. Древняя сущность рычала, царапала рёбра изнутри и не желала успокаиваться уже почти неделю.

С того самого дня, как я подписал бумаги об Отречении.

Я сделал глубокий глоток, мрачно глядя на танцующее в камине пламя.

Перед глазами снова всплыло лицо Милавии.

Зверь внутри снова издал глухой, тоскливый рык, от ко-

торого заломило виски.

– Уймись, – вслух прорычал я, сжимая ножку кубка так, что хрустнул металл.

Я поступил правильно. Ей нужно время, чтобы остыть и осознать своё место.

Обитель – тихое, закрытое место, где нет балов и светских сплетен. Молитвы, тишина и строгий пост быстро собьют с неё эту аристократическую спесь.

Я подошёл к столу, где лежал отчёт казначея.

Строка расходов гласила: *«Передано настоятельнице Обители: 500 золотых монет на содержание баронессы Вэйн»*.

Сумма была огромной. Достаточной, чтобы обеспечить ей самую лучшую, просторную келью на верхнем этаже монастыря.

Достаточной для того, чтобы у неё в комнате круглосуточно горел камин, на столе всегда было свежее мясо, а прислуживала бы личная послушница.

Да, она не может покидать стен монастыря, но я же не изверг, чтобы заморозить девчонку насмерть.

Пусть посидит пару месяцев в одиночестве. Подумает над своим поведением, повышивает.

Я допил вино, изо всех сил стараясь игнорировать беснующегося дракона. Даже полёты больше не приносили облегчения.

Надо подождать, когда закончатся метели... может быть, я

тогда лично слетаю в Обитель.

Просто чтобы посмотреть, научилась ли баронесса Милавия Вэйн покорности.

И если она попросит прощения... возможно, я заберу её обратно.

Дракон в груди недовольно заворчал, но хотя бы стал спокойнее.

Глава 9

Жизнь в Обители Безмолвных Сестёр тянулась серыми, унылыми днями и была рассчитана на то, чтобы ломать волю медленно, методично вымораживая из послушниц всё человеческое.

Подъём до рассвета, скудная похлёбка, от которой пахло прелой соломой, тяжёлый труд на морозе и бесконечные, изматывающие часы молитв на ледяном каменном полу часовни.

Девушки угасали на глазах.

Но только не я.

С каждым днём Север не убивал меня, а словно вливал в мои вены новые силы. Я научилась прятать свой румянец, опускать голову и делать вид, что дрожу от холода, как и остальные, чтобы не привлекать внимания надзирательниц.

Моей единственной отдушиной стали вечера с Бекки.

Когда после отбоя в коридорах стихали шаги сестры Верны, Бекки отодвигала камень, и мы могли наконец говорить.

Бекки рассказывала о шумных ярмарках в её родном городе, о запахе свежей выпечки с корицей и о младшем брате, по которому безумно скучала.

Я слушала её, делилась своим скудным пайком, который

прятала в кармане перед ужином, но про свой проснувшийся дар молчала.

Это было слишком опасно. Одно неосторожное слово, один шепоток, дошедший до ушей настоятельницы – и меня бы бросили в карцер.

Поэтому я тренировалась тайно. Ночами.

Когда Бекки, убаюканная моими тихими рассказами о тёплом Юге, уходила в свою келью, я садилась посреди комнаты прямо на каменный пол.

Я закрывала глаза и мысленно тянулась к тому пульсирующему синему клубочку в груди.

С каждой ночью он становился всё больше, отзываясь на мой зов с готовностью преданного зверя.

Сначала я училась просто покрывать ладони тонкой корочкой инея.

Потом – вытягивать мороз из воздуха, превращая капли влаги в крошечные, идеальные снежинки, которые танцевали над моими пальцами.

А однажды ночью я положила на пол деревянную кружку с остатками воды.

Сосредоточилась.

Вдох-выдох.

Я направила поток холода по руке, и вода в кружке мгновенно превратилась в лёд, а затем выросла вверх, распутившись диковинной ледяной розой с бритвенно-острыми лепестками.

Я чувствовала, как антимагический купол Обители давит сверху.

Невидимый, тяжёлый свод, созданный блокировать любые искры силы.

Он гудел, пытаясь раздавить мою магию, но мой лёд был другой природы.

Он не сопротивлялся куполу – он вымораживал его изнутри, истончая преграду.

Я знала: скоро мне станет тесно в этих стенах. Но я даже не подозревала, насколько скоро.

Это случилось в ночь, когда за окном бушевала самая сильная метель за весь месяц.

Нас с Бекки и ещё тремя девушками подняли на рассвете и отправили в глубокий подвал – перебирать подмёрзшие овощи.

Настоятельница решила, что мы слишком медленно чистили снег днём.

В подвале было темно, сыро и чудовищно холодно. От земли тянуло могильной стылостью.

Поставив тусклую масляную лампу на бочку, мы молча принялись за работу.

Руки девочек мгновенно окоченели, Бекки тихонько шмыгала носом.

Я незаметно касалась их рук, делясь крохами тепла, точнее – забирая у них холод в себя.

Скрипнула тяжёлая дверь. На лестнице показалась массивная фигура.

Это был тот самый охранник. От него несло дешёвым кислым элем и немытым телом.

Он спустился тяжело, лениво поигрывая ключами на кожаном шнурке.

– Работаете, мыши? – хрипло протянул он, останавливаясь у подножия лестницы.

Девочки сжались, втянув головы в плечи. Все знали, что визиты охраны не сулят ничего хорошего.

Он обвёл нас мутным, сальным взглядом и вдруг шагнул к Бекки.

Его грубая, грязная рука вцепилась в её плечо, рывком поднимая на ноги.

Корзина с картошкой с грохотом перевернулась.

– Ты пойдёшь со мной, – рыкнул он, дыхнув ей в лицо перегаром. – Мне скучно на посту. Составишь компанию. А если будешь дёргаться, скажу настоятельнице, что ты пыталась украсть припасы. За это – неделя в карцере.

Бекки побледнела. В её глазах стоял ужас. Она знала, что значит «составить компанию» пьяному стражнику. Остальные девочки сжались, не смея даже поднять глаз.

Охранник потащил Бекки к тёмному коридору, уводящему вглубь подземелий. Она слабо забилась в его хватке, тихо

всхлипывая.

Клубок в моей груди взорвался синим пламенем.

Страх не было. Была только ярость.

– Отпусти её, – прошептала я. Шёпот эхом отскочил от каменных сводов.

Охранник остановился.

– Что ты вякнула, пустородная дрянь?

Я медленно поднялась на ноги. Воздух вокруг меня стремительно терял градусы, превращаясь в плотный, колющий туман.

– Я сказала. Отпусти. Мою. Подругу.

Он отшвырнул Бекки в сторону и тяжело зашагал ко мне.

– Забыла, где находишься, баронесса? – прошипел он, хватывая из ножен короткую дубинку с железным набалдашником. – Муженёк выбросил тебя на помойку, ты здесь никто. Кусок мяса. Сейчас я научу тебя уважению...

Он замахнулся, шагнув ко мне вплотную.

Я машинально вскинула руку и перехватила его запястье.

Моя голая ладонь сомкнулась на его коже прямо над грубой перчаткой. В ту же секунду магия Истинного льда вырвалась на свободу.

Охранник дико, истошно закричал.

Это был не исцеляющий холод. Это была смерть Севера. Прямо из-под моих пальцев по его руке с оглушительным треском поползла корка сизого льда.

Она разорвала ткань его рукава, впиваясь в плоть, мгновенно замораживая кровь в венах, мышцы и кости.

Ледяной панцирь проглотил его руку до самого плеча за пару секунд.

Охранник отшатнулся, с ужасом глядя на свою омертвевшую, превратившуюся в тяжёлую ледяную глыбу конечность. Дубинка со звоном выпала из его заледеневших пальцев.

– Что ты сделала, тварь! Что ты сделала? – завопил охранник на весь подвал.

Глава 10. Тайна

Он отчаянно замотал головой, мыча сквозь ледяной кляп, и судорожно закивал, глядя на меня снизу вверх полными животного ужаса глазами.

Я уже собиралась отнять руку и пустить согревающий поток, когда за спиной раздался дрожащий, но твёрдый голос Бекки.

– Мила, нет! – она сделала шаг вперёд, обхватив себя руками. – Не верь ему.

Я обернулась. Бекки смотрела на охранника с неприкрытой ненавистью и страхом.

– Он всё расскажет, как только окажется наверху, – продолжала она, глотая слёзы. – Этим уродам нельзя доверять. Он соберёт остальную стражу. Нас всех сгноят в карцере за бунт! А тебя... тебя забудут плетью до полусмерти или бросят в ледяную яму навсегда! Ты не сможешь отбиться от всех!

Я снова посмотрела на охранника. Он замычал ещё громче, мотая головой и умоляюще таращась на меня. Пытался показать, что ему можно доверять. Но где-то на самом дне этих мутных, слезящихся зрачков я видела затаившуюся, гнилую злобу. Уязвлённое самолюбие мерзавца, которого поставила на колени «пустородная дрянь».

Бекки была права. Как только страх отступит, его затопит жажда мести. Он не простит мне своего унижения и потери власти.

Внутри меня боролись две Милавии. Одна – баронесса Вэйн, которая до одури боялась отнять чужую жизнь и стать чудовищем. Другая – носительница Истинного льда, выживающая в аду Обители. И эта вторая Милавия чётко понимала: поверить ему сейчас равносильно самоубийству.

– Ты ведь действительно нас сдашь, – тихо произнесла я.

Он заскулил и упал в ноги. И всё же убить я не могла. Не получалось.

– Хорошо. Я не стану тебя убивать, – прошептала я, склоняясь к его лицу. – И даже спасу твою руку, чтобы она не сгнила. Но ты должен мне пообещать, что никому не расскажешь ни про меня, ни про то, что сегодня случилось.

Я сняла ледяную корку с его рта.

– Нет, нет! Клянусь Светом! – сразу заскулил он. Он упал ниц, почти касаясь лбом моих сапог. – Спасибо, милостивая госпожа... Я буду нем как могила! Клянусь!

Я выдохнула и положила ладонь на его заледеневшее плечо. Сконцентрировалась, втягивая смертельный холод обратно в себя. Лёд на его рукаве с треском осыпался, кожа начала розоветь.

Охранник тяжело задышал. Он поднялся на дрожащих ногах, баюкая спасённую руку, и начал медленно пятиться к лестнице.

– С-спасибо... я ничего не скажу... – бормотал он, не сводя с меня испуганного взгляда.

Он пытался, пока его спина не упёрлась в тяжёлую деревянную дверь у подножия лестницы. И в этот момент его лицо неуволимо изменилось. Жалкая маска слетела. Губы скривились в злой, торжествующей ухмылке. Он резко развернулся и, перепрыгивая через ступеньки, бросился наверх.

– Мила, зря ты это сделала, – обречённо прошептала Бекки, оседая на пол.

– Прости... – я сжала руки в кулаки. – Я не могу. Рука не поднимается убить человека.

– Человека? – Бекки усмехнулась. – Он бы тебя не пожалел. И меня тоже. А скольких он уже испортил? Скольких девочек утаскивал в эти подвалы?

Её слова разбудили во мне злость и решимость, которой не хватало ещё минуту назад.

Скольких он уже испортил.

В памяти всплыли бледные, пустые лица послушниц. Запуганные взгляды. Их сломанные судьбы.

Я только что своими руками отпустила монстра, позволив ему и дальше безнаказанно творить зло.

Моя так называемая «доброта» была лишь трусостью, за которую теперь заплатят другие.

Я вскинула руку в сторону лестницы.

Магия не просто откликнулась – она взревела. Воздух сгустился, влага мгновенно кристаллизовалась, и с моих пальцев с пронзительным свистом сорвалась длинная, бритвенно-острая ледяная стрела.

Она прошла темноту лестничного пролёта.

Через секунду раздался короткий, булькающий вскрик, а затем – тяжёлый грохот катящегося по каменным ступеням тела.

В подвале стало тихо. Все затаили дыхание.

Мы с Бекки переглянулись и бросились к лестнице.

Он лежал на животе, раскинув руки. Ледяная стрела вошла ему точно между лопаток, пробив сердце насквозь. Крови почти не было – Истинный лёд мгновенно заморозил рану, закупорив сосуды.

Он был мёртв. И я это сделала.

– Его найдут, – дрожащим голосом произнесла одна из девочек позади нас.

– Не найдут, – ответила я. Места для сомнений больше не осталось. – Помогите мне.

Мы впятером навалились на тяжёлое, коченеющее тело. Это было мучительно трудно – измождённые, голодные девочки тащили здорового мужчину. Мы волокли его по ступеням, стараясь не шуметь. Выглянули во двор.

Ночь играла нам на руку. Метель выла так, что в двух ша-

гах ничего не было видно, снег стеной падал с чёрного неба, скрывая нас от дозорных на стенах.

Мы дотащили его до самого дальнего угла хозяйственного двора, куда сваливали мусор и где намело самый глубокий, в человеческий рост, сугроб.

Я опустилась на колени прямо в снег и прижала обе ладони к груди мертвеца. Выплеснула всю ту магию, что бурлила во мне. Я заморозила его тело до состояния камня, наращивая толстый слой льда, ни одна собака не возьмёт след, ни один волк не учует запах плоти. Затем я заставила снег и лёд вокруг сомкнуться, создавая над ним плотный, неразбиваемый панцирь, который сверху уже начал засыпать свежий буран.

– Всё, – выдохнула я, поднимаясь и отряхивая колени. Сугроб выглядел абсолютно нетронутым. – Теперь его точно никто не найдёт. До самой весны. А весной... нас здесь уже не будет.

Обратный путь до подвала мы проделали словно в трансе. Ветер толкал нас в спину, торопливо заметая наши следы на свежем снегу, словно сама суровая природа Севера решила встать на мою сторону и скрыть это преступление.

Когда тяжёлая дубовая дверь подземелья со скрипом закрылась за нашими спинами, отрезая вой метели, в нос снова ударил привычный запах сырой земли и подмёрзших овощей. В тусклом свете масляной лампы девочки выглядели как призраки. Они дрожали – и не столько от холода, сколько

от осознания того, что мы только что сделали. Мы спрятали труп. Теперь мы все были повязаны одной страшной тайной.

Я молча подошла к перевёрнутой корзине, поставила её на дно и принялась собирать рассыпанную по полу картошку. Ледяное спокойствие, оставшееся после магии, всё ещё циркулировало по венам.

Бекки опустилась на колени рядом со мной. Её пальцы мелко тряслись, когда она потянулась за грязным клубнем.

Она придвинулась вплотную, так, чтобы остальные не могли нас услышать, и шепнула:

– Ты что задумала?

Она требовала ответа на ту брошенную у сугроба фразу про весну.

Я сначала посмотрела на Бекки. На её бледное, испачканное землёй лицо с россыпью веснушек. Затем отвела взгляд в тёмный угол подвала, туда, где ещё недавно лежал стражник, и одними губами, беззвучно произнесла:

– Побег.

Бекки пошатнулась, едва не выронив овощи из рук.

– Да ты рехнулась, – выдохнула она побелевшими губами.

– Купол... стража... пустоши вокруг... Это невозможно, Мила...

– Обсудим это вечером, – глухо оборвала я её, бросая картофелину в корзину. – А сейчас нам нужно доделать работу, пока сестра Верна не спустилась проверить, почему мы так долго возимся. Собирайте всё. Живо. И запомните: мы ни-

чего не видели и никого не слышали.

Глава 11. Гость

Спустя месяц суровый Ветряный месяц наконец-то подошёл к концу. Сквозь вечную, тяжёлую пелену серых туч над Обителью робко, но упорно пробились первые лучи солнца.

Я проснулась и, не открывая глаз, с наслаждением потянулась на своей жёсткой койке. Тёплый луч скользнул по щеке, и где-то в воздухе уже витало едва уловимое, почти призрачное присутствие весны. Удивительно, но человек действительно ко всему привыкает. Даже к этим ужасным условиям, к вечному голоду, к ледяному камню и каторжному труду. Я научилась выживать, сливаться с тенями и беречь свой внутренний огонь... точнее, лёд.

Я перевернулась на спину и вдруг замерла.

Свет. В крошечном окне под потолком сияло яркое, уверенное утреннее солнце. Давно рассвело. Почему не было колокола? Почему за мной не пришли до рассвета, как всегда, чтобы отправить чистить снег или скрести полы?

Не успела эта мысль оформиться до конца, как в коридоре раздались тяжёлые шаги. Заскрежетал засов, и дверь моей кельи распахнулась. На пороге стояла надзирательница, сестра Верна. Без лишних слов она велела мне выходить и идти за ней.

Мы миновали стылые коридоры послушниц и свернули в

восточное крыло, куда нам вход был строго воспрещён. Воздух здесь разительно отличался: он был густым, сухим и по-настоящему тёплым. Под ногами вместо голого камня пружинили ковры, на стенах висели гобелены, преграждающие путь сквознякам.

Верна втокнула меня в просторный кабинет. Я зажмурилась с непривычки: здесь жарко топились камин, пахло воском, дорогими благовониями и сладкой выпечкой. Я даже не подозревала, что в этом проклятом месте скрывается такое богатство.

За массивным дубовым столом сидела настоятельница, матушка Агнесса, как её называли в обители сестёр.

Она была женщиной округлой, мягкой на вид, за месяц кажется даже ещё больше округлилась, с аккуратными розовыми щёчками и тихим, елеённым голосом.

Всем своим видом она излучала добродетель, но глаза... её маленькие, водянистые глазки смотрели с холодным, змеиным прищуром.

– Проходи, дитя моё, не бойся, – пропела матушка Агнесса, складывая пухлые ручки на столе. На её губах играла приторно-сладкая улыбка, от которой мне стало не по себе. – Сегодня особенный день. Нашу скромную Обитель почтил визитом сам генерал Вальдегард. Твой... бывший муж.

Моё сердце пропустило удар, но я заставила себя сохранить бесстрастное выражение лица.

– Он желает тебя видеть, Милавия, – продолжала настоя-

тельница, и её сладкий голос приобрёл стальные нотки. – И ты покажешь ему, как благотворно влияет на буйный нрав наше святое воспитание. Ты будешь смиренной, кроткой и благодарной. Покажешь, что стала покорной.

Она наклонилась чуть вперёд, улыбаясь ещё шире:

– Потому что, если ты посмеешь открыть рот и чем-то опечалить генерала... как только чёрный дракон скроется за облаками, я лично передам тебя в заботливые руки сестры Изольды.

При упоминании этого имени по моей спине пробежал ледяной пот. Сестра Изольда, третья сестра, отвечала за наказания. Это была высокая, костлявая женщина с тяжёлыми кулаками. Мне довелось с ней видаться всего пару раз, но все послушницы до одури боялись её подземелий с кандалами и плетьюми.

– Уж она-то найдёт для тебя место в самом глубоком карцере. Смотри, не подведи меня, дитя, – ласково закончила матушка Агнесса.

Меня отвели в соседнюю комнату, где уже была приготовлена глубокая деревянная лохань. От воды поднимался густой пар. После общих бань, где нам полагалось мыться в спешке и едва тёплой, затхлой водой, это казалось немыслимой роскошью. Я скинула грубую робу и забралась в лохань, с наслаждением погружаясь в обжигающую воду по самую шею. Кожа горела, оттаивая, я оттирала с себя въевшуюся

грязь и копать, мечтая лишь о том, чтобы это мгновение длилось вечно.

Но время вышло. Мне выдали чистое, хоть и простое платье серого цвета, без единого пятнышка, и позволили расчесать волосы.

Через полчаса сестра Верна вернулась за мной. Она провела меня по коридору и толкнула высокие двустворчатые двери гостевой залы. Это помещение было ещё роскошнее: резная мебель, тяжёлые бархатные портьеры, хрусталь.

И он.

Я остановилась в нескольких шагах от порога, опустив голову. Мой взгляд упёрся в узорный ковёр на полу. Я не хотела на него смотреть. Не хотела видеть его лица.

За этот месяц, проведённый в аду, выживая, голодая, пряча труп стражника в снегу, я возненавидела его всем своим существом. То предательство – когда я застала его в постели со служанкой, моя пощёчина, его холодное Отречение – всё это я старательно стирала из памяти, чтобы не сойти с ума от боли. Про нашу близость я вообще старалась не вспоминать.

Оставила только ненависть, которая питала мою ледяную магию.

Раздался знакомый, ритмичный стук. Глухой удар дерева о пол. Шаг. Ещё один удар.

Генерал Рейнар Вальдегард медленно приблизился, тяжело опираясь на свою трость. Он остановился так близко, что

я почувствовала терпкий запах его одеколона, смешанный с запахом озона и морозного ветра. От него, как и всегда, исходила давящая, тяжёлая аура власти.

– Как ты, Милавия? – раздался сверху его низкий, хрипловатый голос.

Я стиснула зубы. Не подняла глаз. И не проронила ни слова. Моя ледяная броня сомкнулась, не оставляя ему ни единой щели.

Рейнар шумно выдохнул.

– Настоятельница уверяла меня, что месяц в Обители пошёл тебе на пользу. Что ты обрела смирение, – в его голосе проскользнула мрачная ирония. – Но, судя по тому, как ты стискиваешь кулаки, пряча их в складках платья, смирением здесь и не пахнет.

Я заставила себя расслабить пальцы, но головы так и не подняла. Пусть думает, что хочет.

Моя задача – пережить эту встречу, не дать матушке Агнессе повода отдать меня на растерзание сестре Изольде. И не выдать свой проснувшийся дар.

Рейнар сделал ещё один шаг ко мне. Кончик его трости с глухим стуком упёрся в пол в дюйме от моих ног.

– Я приехал не для того, чтобы наслаждаться твоим молчанием, Мила, – произнёс он, и я уловила в его тоне лёгкое раздражение. – Я здесь, чтобы проверить, в каких условиях ты содержишься. Агнесса утверждает, что ты ни в чём не нуждаешься. Это так?

Глава 12. Кто это сделал?

Это было похоже на злую шутку. Ни в чём не нуждаюсь? Если не считать еды, тепла, нормального сна и безопасности от пьяных охранников – то да, просто купаюсь в роскоши.

Но я помнила угрозу настоятельницы.

«Покажешь, что стала покорной. Иначе – карцер надолго».

Я заставила себя разлепить сухие губы. Голос прозвучал хрипло от долгого молчания:

– Да, милорд. Настоятельница добра ко мне. У меня есть всё необходимое.

Лживые слова дались с трудом, но я смотрела только на начищенные носы его сапог.

Рейнар молчал так долго, что я почти физически ощутила, как нарастает напряжение.

– Врёшь, – жёстко припечатал он.

Протянул руку и грубо схватил меня за подбородок. Властно дёрнул мою голову вверх, заставляя посмотреть ему в глаза.

Я вздрогнула.

Чёрный генерал Вальдегард. Тот самый шрам, пересекающий щеку от скулы до челюсти, делал его лицо жестоким, хищным. В его глазах – цвета грозового неба – клубился

мрак. Но было в нём что-то ещё. Какая-то тень залегла в складках у губ.

Я тут же попыталась отвести взгляд, но он держал крепко.

– Ты похудела, – отметил он, внимательно вглядываясь в моё лицо. Большим пальцем он скользнул по моей линии подбородка, и я невольно дёрнулась, как от ожога. – Под глазами тени. А твои руки...

Он перевёл взгляд ниже. Я попыталась спрятать их за спину, но Рейнар перехватил моё запястье. Закатал рукав простого серого платья, обнажая кожу.

Там, на предплечье, красовался свежий, ещё багровый след от удара прутом – подарок надзирательницы за то, что я слишком медленно, по её мнению, несла ведра с ледяной водой. Я не успела залечить его своим льдом прошлой ночью.

В глазах генерала Вальдегарда вспыхнуло самое настоящее чёрное пламя. Шрам на щеке побелел.

– Откуда это? – рыкнул он так, что хрустальные подвески на люстре испуганно звякнули.

Я вырвала руку. Инстинкт самосохранения кричал, что нужно солгать, что нужно прикрывать Агнессу, иначе мне будет худо.

– Я споткнулась во дворе, милорд. Упала на ветку.

Рейнар смотрел на меня сверху вниз, и его челюсти сжались, на скулах заходили желваки.

– Ты всегда была плохой лгуньей, Милавия, – процедил он сквозь зубы.

Он отвернулся от меня, тяжело опираясь на трость, и пошёл к дверям. Его походка, хромая, но всё ещё угрожающая, говорила о том, что генерал в бешенстве.

Я сжалась от страха, представляя себе, что сейчас начнётся.

Рейнар распахнул створки с такой силой, что они с грохотом ударились о стены.

– Настоятельница! Живо! – его рык эхом прокатился по коридорам.

Где-то вдалеке послышался испуганное оханье, затем семенящие шаги. Матушка Агнесса появилась на пороге до неприличия быстро для своей комплекции, словно подслушивала под дверь. Её лицо, обычно розовое и умиротворённое, сейчас пошло красными пятнами, но она быстро взяла себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.